

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Оригинальная статья
УДК 347.736(430+470+571)
DOI: 10.61205/jzsp.2023.066

История развития правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей в России и Германии: сравнительно-правовой анализ

Валерий Геннадиевич Истомин¹, Мата Асановна Лабазанова²

¹Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, 5555VS@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8313-356X>

²Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия, yurist.777@mail.ru

Аннотация. Современные экономические отношения требуют создания эффективного механизма прекращения деятельности неспособных исполнять свои обязательства хозяйствующих субъектов, позволяющего учитывать интересы как должника, так и кредитора. Такими субъектами во многих случаях оказываются индивидуальные предприниматели, что обуславливает необходимость регулирования их несостоятельности, учитывая специфический статус данных лиц и особенности деятельности. При разработке соответствующих правовых норм большое значение имеет анализ истории развития регулирования отношений банкротства индивидуальных предпринимателей в России, а также зарубежного законодательства в исследуемой сфере. В связи с этим изучение опыта правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей в Германии представляет несомненный интерес, поскольку соответствующее законодательство обладает богатой историей и является весьма сбалансированным.

Методы исследования: формально-логическое толкование, системный и сравнительный анализ.

Результаты исследования. Проанализирована эволюция нормативно закрепленных критериев банкротства индивидуальных предпринимателей по законодательству России и Германии, предложена периодизация российского законодательства о банкротстве индивидуальных предпринимателей, основанная на степени развернутости регламентации отношений в сфере банкротства и динамике изменения последствий признания индивидуального предпринимателя банкротом. Сделан вывод о целесообразности использования таких положений современного немецкого законодательства, как процедура досудебного урегулирования задолженности субъекта, существующая для предпринимателя обязанность погашения оставшейся части долга и после завершения процедуры несостоятельности, а также возможность освобождения от непогашенной задолженности лишь при соблюдении определенных условий. Обозначены проблемы, с которыми может столкнуться российская практика применения законодательства при введении указанных положений.

Ключевые слова: законодательство о банкротстве, история, Россия, Германия, индивидуальный предприниматель, признаки банкротства, досудебное урегулирование, освобождение от оставшейся задолженности

Для цитирования. Истомин В. Г., Лабазанова М. А. История развития правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей в России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 5. С. 57—68. DOI: 10.61205/jzsp.2023.066

Original article

The History of Development of the Legal Regulation of Individual Entrepreneurs' Insolvency (Bankruptcy) in Russia and Germany: Comparative Legal Analysis

Valeriy G. Istomin¹, Mata A. Labazanova²

¹Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, 5555VS@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8313-356X>

²Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia, yurist.777@mail.ru

Abstract. Modern economic relations require the creation of an effective mechanism for terminating the activities of economic entities unable to fulfill their obligations, which allows taking into account the interests of both the debtor and the creditor. Such subjects in many cases are individual entrepreneurs, which makes it necessary to regulate their insolvency, taking into account the specific status of these persons and the specifics of their activities. When developing relevant legal norms, it is of great importance to analyze the history of regulation of bankruptcy relations of individual entrepreneurs in Russia, as well as foreign legislation in the field under study. In this regard, the study of the experience of legal regulation of bankruptcy of individual entrepreneurs in Germany is of undoubted interest, since the relevant legislation has a rich history and is very balanced.

Research methods: formal and logical interpretation, systematic and comparative analysis.

The results of the study. The author analyzes the evolution of the normatively fixed criteria for the bankruptcy of individual entrepreneurs under Russian and German legislation, proposes a periodization of the Russian legislation on the individual entrepreneurs' bankruptcy, based on the degree of regulation of relations in the field of bankruptcy and the dynamics of changes in the consequences of bankruptcy of an individual entrepreneur. The author came to the conclusion about the expediency of using such provisions of modern German legislation as the procedure of pre-trial settlement of the entity's debt, the obligation existing for the entrepreneur to repay the remaining part of the debt even after the completion of the insolvency procedure, as well as the possibility of exemption from outstanding debt only if certain conditions are met. The author identifies the problems that the Russian practice of applying legislation may face when introducing these provisions.

Keywords: bankruptcy law, history, Russia, Germany, individual entrepreneur, signs of bankruptcy, pre-trial settlement, release from the remaining debt

For citation. Istomin V. G., Labazanova M. A. The History of Development of the Legal Regulation of Individual Entrepreneurs' Insolvency (Bankruptcy) in Russia and Germany: Comparative Legal Analysis. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 5, pp. 57—68. (In Russ.) DOI: 10.61205/jzsp.2023.066

Экономические отношения, основанные на свободе осуществления предпринимательской деятельности, конкурентном взаимодействии субъектов и их юридическом равенстве, диктуют необходимость правового регулирования ситуаций, связанных с прекращением функционирования тех участников этих отношений, которые в силу различных причин оказываются неспособными продолжать текущую хозяйственную деятельность, надлежащим образом исполнять свои обязательства и производить обязательные платежи. При осуществлении такого регулирования необходимо соблюдать баланс значимых интересов кредиторов и должника, а также учитывать позитивный регулятивный опыт, который сформировался в иностранных право порядках. В связи с этим анализ современного состояния и истории развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) ФРГ представляет несомненный интерес в силу сходства российской и немецкой правовых систем, а также возможности изучить тенденции и процессы, которые в течение длительного времени способствовали формированию этого законодательства, являющегося на сегодняшний день весьма развитым. Помимо юридических лиц активными участниками современных рынков являются физические лица, обладающие статусом индивидуальных предпринимателей. Определенная специфика их статуса делает актуальным рассмотрение правового регулирования банкротства данных субъектов на основе анализа развития российского и немецкого законодательства.

Одни из первых известных истории российского права норм, касающихся несостоятельности (банкротства) лиц, занимающихся предпринимательством, содержатся в таком памятнике древнего права XI—XII вв., как Русская Правда пространной редакции. Уже тогда экономический оборот стал требовать наличия соответствующих правовых предписаний. Так, ст. 54 и 55 данного акта устанавливали последствия невозможности исполнения купцом обязательств перед кредиторами, а также их дифференциацию в зависимости от причин, вызвавших такое неисполнение. В частности, если утрата чужих денег либо подлежащего передаче то-

вара была вызвана тем, что это имущество «истопиться, либо рать возьмет, ли огонь»¹, т. е. будет утрачено в результате невиновных действий, то купцу давалась возможность в рассрочку выплатить долг и к нему запрещалось применение насилия либо продажа в холопы. Если же купец «пропиеется или пробиется, а в безумьи чюжь товар испортить», то кредиторы могут по своему усмотрению также предоставить такому лицу рассрочку платежа либо возместить ущерб путем продажи имущества должника и его самого в холопы. Отдельно регулируется ситуация, когда задолжавший многим купец взял для продажи товар у приезжего купца, не знающего о его неплатежеспособности, и не расплатился с ним. Закон в этом случае предписывал вести его «на торгъ, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашнимъ, что ся останетъ кунъ, тем же ся поделять; паки ли будутъ княжи куны, то княжи куны первое взятии...». Таким образом, устанавливалась допустимость личной ответственности субъекта по долгам и погашение их в определенной последовательности: в первую очередь погашались требования князей, затем иногородних купцов и лишь в последнюю очередь местных кредиторов. Анализ данных норм Русской Правды позволяет некоторым исследователям утверждать, что уже на ранних этапах развития российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) имело место выделение несчастной несостоятельности, неосторожного банкротства и злого банкротства в зависимости от причин банкротства и характера вины должника². В дальнейшем отдельные нормы о несостоятельности купцов продолжали появляться в различных нормативных актах российского государства. Так, согласно ст. 55 Судебника Ивана III 1497 г. если причиной утраты имущества и возникшей несостоятельности торговца будут являться обстоятельства, не связанные с его недобросовестностью,

¹ Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984—1994. Т. 1. С. 68.

² См.: Кутер М. И., Луговской Д. В., Тхагансо Р. А. Институт несостоятельности в России: исторический аспект // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 3. С. 3.

то он должен будет заплатить кредиторам «исцеву истину без росту», но если «кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным каким безумием погубит товар свой без напразднства», то того «выдати головою на продажу»³. Как видно, норма продолжила установленные ранее в Русской Правде тенденции, связанные с разграничением ответственности должника в зависимости от причин его несостоятельности, а также с возможностью удовлетворения требований кредиторов путем выдачи им должника в полное распоряжение. В Соборном Уложении 1649 г. регулированию отношений, связанных с невозможностью должника произвести расчеты по своим долгам, также было посвящено несколько норм. В соответствии с п. 203—206 Соборного Уложения лицо, которое оказалось не в состоянии погасить долги, возникшие по причине «огненно-го запаления», наводнения, разбойного нападения или военных действий, могло получить отсрочку уплаты до трех лет⁴. Если же банкротство наступило в результате небрежных или недобросовестных действий, то должник подлежал передаче «истцу головою до искупу же». Кроме того, была предусмотрена возможность установления поручительства в качестве способа обеспечения исполнения обязательства должником, а также ответственность супруги и детей, если в течение жизни лицо не смогло удовлетворить требования кредиторов.

В России довольно длительное время отсутствовал самостоятельный акт, который бы регулировал отношения банкротства субъектов предпринимательства, несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки разработать проект указанного акта.

Законодательство о банкротстве европейских государств, в том числе Германии, в той или иной степени развивалось под влиянием римского права, заложившего определенные принципы регулирования данных отношений, а также в результате взаимного влияния друг на друга норм этого законодательства. В литературе отмечается, что первыми общими началами конкурсного права Германия обязана потребностям собственного оборота и связям с итальянскими купцами. Образование конкурсного права сводится не прямо к римским началам, а к итальянскому праву, которое само основывается на римском праве⁵. Средневековое немецкое законодательство о банкротстве представляло собой нормы в актах отдельных германских государств и городов, но в более поздний период во многих землях были приняты самостоятельные конкурсные уставы (например, Конкурсный устав Баварии 1616 г., Конкурсные уставы Саксонии 1724 и 1766 гг., конкурсное законодательство Гамбурга 1753 г. и Бремена 1842 г., Прусские Уставы об ипотеке и конкурсном производ-

стве 1722, 1781 и 1855 гг. и др.), некоторые из них впоследствии стали частью кодифицированных процессуальных актов. До определенного времени немецкое законодательство о банкротстве базировалось на принципе приоритетного удовлетворения тех кредиторов, которые раньше других заявляли свои требования; начала соразмерности и совместности удовлетворения требований ему не были известны. Однако начиная с XIII в. ситуация стала меняться в направлении пропорционального удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, в определенных случаях допускалось довольно суровое личное наказание за банкротство: по эдиктам Карла V 1531 и 1540 гг. банкроты приравнивались к ворами и подвергались тем же наказаниям, включая смертную казнь за злостное банкротство. В XV—XVI вв. германские государства испытали значительное влияние итальянского конкурсного права на развитие своего законодательства. По общему правилу конкурсное производство проводилось только в случае приостановления платежей при полном ухудшении имущественного положения должника и представляло собой автономную процедуру кредиторов, принимавших решения на основе большинства. Роль суда ограничивалась контрольными и вспомогательными функциями⁶. Начиная с конца XVII в. на конкурсное право многих германских государств большое влияние начинает оказывать испанское законодательство, ориентированное на значительную роль суда при открытии и проведении конкурсных процедур и придававшее процессу банкротства публичный характер. Это проявилось в том, что после возбуждения дела о банкротстве абсолютно всем имуществом должника стал владеть и распоряжаться суд, который осуществлял эти полномочия посредством назначения управляющего. Возникла ситуация господства суда над мероприятиями конкурса⁷. Германские юристы также разработали и обосновали положение об универсальности производства по делу о банкротстве, состоящее в том, что с момента признания должника банкротом все его имущество поступало в конкурсную массу, все требования рассматривались одним судом⁸. Однако излишняя формализация конкурсного права и устранение кредиторов от активного участия в процедуре банкротства значительно снизили его эффективность и стесняли кредиторов в осуществлении своих прав, что в дальнейшем способствовало изменению законодательства в направлении усиления их автономии, ограничения функций судьи и расширения прав по конкурсному оспариванию сделок.

⁶ См.: Трушников С. С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в Федеративной Республике Германия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 18—19.

⁷ См.: Челахсаева С. И. История становления и развития института несостоятельности (банкротства) в странах Европы // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 343.

⁸ См.: Телюкина М. В. Конкурсное право. Теория и практика несостоятельности (банкротства). М., 2002. С. 30.

³ Российское законодательство X—XX веков ... Т. 2. С. 61.

⁴ Там же. Т. 3. С. 135—136.

⁵ См.: Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. 2-е изд. Казань, 1898. С. 35.

Немецкое законодательство о банкротстве более позднего периода характеризуется большей степенью детализации процедуры банкротства. Так, Конкурсный устав Пруссии 1855 г. предусматривал особый порядок управления конкурсной массой: управление активом и пассивом массы осуществлялось различными субъектами. Кроме того, Устав предусматривал различные основания открытия конкурсных процедур в отношении торговой и неторговой несостоятельности, устанавливая, что пока торговец не приостановил платежей, вопрос о его банкротстве не мог подниматься, в то же время одного факта приостановления платежей было достаточно для открытия конкурса по делам о торговой несостоятельности. Для неторговой несостоятельности конкурс открывался лишь при недостаточности средств должника на оплату долгов кредиторов⁹.

Таким образом, российское законодательство о банкротстве в течение длительного времени носило фрагментарный характер в отличие от немецкого, где уже в XVII в. появляются самостоятельные акты конкурсного права. Вместе с тем нормы российского конкурсного права характеризуются большей самобытностью и дифференцируют несостоятельность в зависимости от причин ее возникновения, также в них прослеживается попытка установить очередность погашения требований кредиторов. При этом и в российском, и в немецком конкурсном праве рассматриваемого периода значительное внимание уделяется личной ответственности несостоятельного должника, допускается сохранение за должником либо его наследниками оставшихся неудовлетворенными требований кредиторов, отдается приоритет активной и самостоятельной роли кредиторов в процедурах банкротства.

Дальнейшее развитие конкурсного права России и Германии связано с принятием важных актов — российских Устава о банкротах 1800 г.¹⁰ и Устава о торговой несостоятельности 1832 г.¹¹, а также единого Конкурсного устава Германии 1877 г.¹², действовавшего с последующими изменениями и дополнениями до 1999 г. Устав о банкротах 1800 г. представлял собой первую попытку российского законодателя комплексно урегулировать несостоятельность путем принятия единого кодифицированного акта¹³. Исследователи спра-

ведливо отмечают высокий уровень его юридической техники¹⁴. В Устав были включены две части: первая регулировала вопросы банкротства «купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обязываться векселями», вторая была посвящена банкротству дворян и чиновников. Под банкротом понимался «тот, который не может сполна заплатить своих долгов». Общим признаком банкротства выступала неоплатность, т. е. недостаточность имущества банкрота для осуществления расчетов по своим обязательствам. При этом Устав о банкротах 1800 г. и Устав о торговой несостоятельности 1832 г. предусматривали случаи, когда такая неоплатность предполагалась: при публичном объявлении о своей несостоятельности должником, бегстве должника, неосуществлении им платежа по требованию кредиторов в течение месяца, неисполнении своих обязательств на сумму более 5 тыс. руб.

Российские уставы продолжили традицию деления банкротства в зависимости от обстоятельств на «банкротство от несчастья», «банкротство от пренебрежения и своих пороков», а также «банкротство от подлога». При этом в Уставе 1832 г. проводилось разграничение между терминами «несостоятельность» и «банкротство»: к несостоятельности относились все случаи неспособности производить платежи, в том числе несостоятельность от несчастья, а в качестве собственно банкротства рассматривалась лишь неосторожная несостоятельность (т. е. возникшая по вине должника, но без умысла, в Уставе 1832 г. она именовалась также простым банкротством) и несостоятельность подложная (т. е. умышленная, которая еще именовалась злонамеренным банкротством). Данное различие обуславливало дифференциацию правового положения предпринимателя в ходе процедуры банкротства, а также правовых последствий данной процедуры. Так, «упавший», т. е. банкрот в силу объективных причин, не связанных с каким-либо виновным поведением, после прекращения процедуры несостоятельности освобождался от непогашенных долгов, в то время как неосторожный, а тем более злонамеренный банкроты при приобретении впоследствии какого-либо имущества должны были рассчитаться по оставшимся неудовлетворенными претензиям кредиторов. В отношении злонамеренных банкротств предусматривалась возможность уголовного преследования, даже если они расплачивались по всем своим долгам. На время конкурсного процесса банкроты должны были содержаться «под караулом», хотя предусматривались некоторые исключения. Процедура несостоятельности по российским уставам проходила при активной роли кредиторов, избравших из своей среды или из чис-

⁹ См.: Свириденко О. М. Развитие института несостоятельности в странах Западной Европы (в период до начала XX века) // Право и государство: теория и практика. 2005. № 8. С. 45—46.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXVI. СПб., 1830. С. 440—474.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VII. СПб., 1833. С. 420—436.

¹² Германский Конкурсный устав 10 февраля 1877 г. Пер. с нем. СПб., 1878.

¹³ См.: Михайликов В. Л. Правовое регулирование торговой несостоятельности в период с начала XVIII до середины

XX веков // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2011. № 2. С. 7.

¹⁴ См.: Скоробогатов А. В. Правовое регулирование банкротства в России во второй половине XVIII в. // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 169.

ла посторонних лиц кураторов, которые формировали конкурсную массу и осуществляли расчеты с кредиторами. Была установлена определенная очередность платежей, а также соразмерность удовлетворения требований при недостаточности имущества должника.

Конкурсный устав Германии 1877 г. в отличие от российского законодательства не проводил деления несостоятельности на торговую и неторговую, но, как и российские уставы, исходил из критерия неоплатности в качестве основания для открытия процедуры банкротства. Суммы задолженности какой-либо величины для открытия конкурсных процедур Уставом не предусматривались. Согласно § 94 Устава было предусмотрено общее правило: «Неспособность к платежу признается в особенности в том случае, если последовало прекращение платежей». Вместе с тем «ходатайство кредитора об открытии несостоятельности допускается, если будет доказано, что требование его и неоплатность должника представляются достоверными». Разбирательство по делу о банкротстве предполагало как активную роль суда, выражавшуюся в назначении попечителя для формирования конкурсной массы и управления имуществом банкрота, так и кредиторов, обладавших полномочиями разрешать либо запрещать попечителю совершение определенных действий, а также ходатайствовать перед судом о его замене при наличии определенных оснований. Устанавливался определенный порядок удовлетворения требований кредиторов, в том числе назывались кредиторы, имевшие преимущество при удовлетворении требований. Если обнаруживалось, что конкурсная масса недостаточна для удовлетворения всех заявленных требований, то «претензии одного разряда» удовлетворялись «пропорционально суммам их». В § 152 Устава была предусмотрена возможность для конкурсных кредиторов, которые не получили удовлетворения по своим претензиям, даже после прекращения конкурсного производства «предъявлять свои требования к должнику без всякого ограничения», т. е. речь, по сути, шла о возможности последующего взыскания неуплаченных в ходе конкурсных процедур долгов с должника и его правопреемников. Проблема сохранения обязательств должника после окончания процедур банкротства является довольно сложной, поскольку, с одной стороны, это может привести к последующему длительному обременению субъекта долгами, возникшими из обычных операций, но с другой — необходимо каким-либо образом предотвращать возможность сокрытия недобросовестным лицом своего имущества и освобождения от долгов с помощью процедур несостоятельности. Поиску золотой середины в указанном вопросе немецкий законодатель впоследствии стал уделять серьезное внимание. Конкурсный устав Германии выделял простое и злостное банкротство, предусматривая в качестве последствий для злостного банкрота в том числе возможность аннулирования заключенной с кредиторами мировой сделки и продолжения процедуры несостоятельности.

Если сравнивать российские и немецкий банкротные уставы применительно к банкротству физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, можно обнаружить довольно много сходства как в основаниях открытия процедуры банкротства, так и в порядке формирования конкурсной массы и удовлетворении требований кредиторов, несмотря, разумеется, на имевшие место особенности. В частности, важным является возможность сохранения оставшейся задолженности после окончания процедуры банкротства, а также использование критерия неоплатности в качестве основания несостоятельности предпринимателя.

После Октябрьской революции 1917 г. в России смена политической власти явилась причиной серьезного изменения правового регулирования общественных отношений. Прежнее законодательство о банкротстве Российской империи было упразднено, а изменившиеся экономические условия до определенного времени не требовали выработки самостоятельных и детальных нормативных актов о банкротстве в целом и банкротстве индивидуальных предпринимателей в частности. Принятый в 1922 г. ГК РСФСР не содержал общих положений о несостоятельности (банкротстве) физических либо юридических лиц, хотя сам термин «несостоятельность» встречается в ряде норм Кодекса. Однако в связи с провозглашенным курсом новой экономической политики и развитием товарно-денежных отношений ГПК РСФСР 1923 г. был в 1928 г. дополнен гл. 37 «О несостоятельности частных лиц, физических и юридических». Нормы этой главы подлежали применению «к предприятиям всех внесенных или подлежащих внесению в торговый реестр частных лиц, как физических, так и юридических». Признаком банкротства субъекта была установлена его неспособность к полной оплате денежных требований кредиторов, иначе говоря, неплатежеспособность, внешним проявлением которой могло выступать прекращение платежей по долгам на сумму свыше трех тысяч рублей.

Специфика процедуры несостоятельности по рассматриваемым нормам заключалась в активной роли в ней государственных органов. Это проявлялось в том, что право на возбуждение дела о несостоятельности принадлежало в том числе ведомству, регулирующему соответствующую отрасль хозяйства, прокурору либо непосредственно суду. Также при признании должника несостоятельным государственный орган, регулирующий данную отрасль хозяйства, по предложению суда назначал лицо, на которое возлагалась временная охрана имущества должника, а в дальнейшем одного или нескольких ликвидаторов, осуществлявших управление и распоряжение его имуществом, оценку и реализацию этого имущества, расчеты с кредиторами. Ликвидаторы имели право отказаться от исполнения невыполненных должником договоров, заключенных им до объявле-

ния несостоятельности, оспаривать сделки должника. В своей деятельности они были поднадзорны назначившему их государственному органу, получали от него необходимые указания.

Несмотря на принятие рассматриваемой главы ее положения не нашли широкого применения, поскольку в экономике наметился постепенный переход к планово-административной системе хозяйствования при абсолютном доминировании государственной собственности на средства производства. В таких условиях существование рыночной конкуренции не предполагалось, а проблемы несостоятельности юридических лиц решались посредством дотирования государством убыточных предприятий. Что касается физических лиц, то вопросы, связанные с их банкротством, и вовсе не возникали, поскольку граждане не могли заниматься предпринимательской деятельностью¹⁵.

Новый ГПК РСФСР 1964 г. уже не содержал норм, касающихся банкротства предпринимательских структур. В дальнейшем, после социально-экономических преобразований начала 1990-х гг., вопрос о регулировании несостоятельности организаций и предпринимателей вновь постепенно начал решаться на законодательном уровне. Однако лишь с принятием Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве 1998 г.) процедура банкротства индивидуальных предпринимателей снова получила развернутое правовое регулирование. Статьей 164 в качестве основания признания индивидуального предпринимателя банкротом указывалась «его неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей». В связи с этим можно вести речь о постепенном переходе в российском законодательстве к неплатежеспособности как основному критерию банкротства субъектов предпринимательской деятельности. Для граждан, не являвшихся предпринимателями, законом в качестве признака банкротства устанавливалась необходимость превышения суммы обязательств над стоимостью принадлежащего им имущества, т. е. неоплатность.

Современные исследователи, говоря о критериях несостоятельности (банкротства) в зарубежном законодательстве, также обращают внимание на преимущественное использование критерия неплатежеспособности, нежели критерия неоплатности, в том числе применительно к ситуациям потребительского банкротства¹⁶. В связи с тем что практика применения Закона о банкротстве 1998 г. обнаружила такие

его недостатки, как низкий уровень защищенности прав и законных интересов должников, возможность недобросовестных конкурентов злоупотреблять своими правами, а также выявила случаи преднамеренного банкротства с целью последующей передачи активов должника в пользу определенных лиц, возникла необходимость дальнейшего реформирования соответствующего законодательства. Следствием реформирования стало принятие Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве 2002 г.), действующего в Российской Федерации и в настоящее время.

В связи с этим определенный интерес представляет вопрос о периодизации российского законодательства о банкротстве в части банкротства индивидуальных предпринимателей. Представляется, что подобную периодизацию возможно проводить по сложному критерию: в зависимости от степени развернутости регламентации отношений в сфере банкротства индивидуальных предпринимателей (что предполагает, прежде всего, наличие самостоятельного акта о банкротстве) и динамики изменения последствий признания индивидуального предпринимателя банкротом (т. е. постепенное смягчение последствий личного характера и усиление роли имущественных последствий). С учетом этого можно выделить следующие этапы развития законодательства о банкротстве индивидуальных предпринимателей в России:

а) период от принятия Русской Правды до 1800 г. (существование первоначальных фрагментарных норм о несостоятельности (банкротстве) индивидуальных предпринимателей, предусматривающих в том числе возможность поступления должника в полное распоряжение кредиторов);

б) период с 1800 по 1917 г. (наличие развернутого регулирования отношений несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей, допускающего при этом применение ареста при проведении конкурсных процедур даже по отношению к невиновным в своем банкротстве субъектам);

в) период с 1917 по 1928 г. (прекращение действия прежнего законодательства о банкротстве и отсутствие развернутого регулирования отношений банкротства индивидуальных предпринимателей);

г) период с 1928 по 1964 г. (формальное наличие в законодательстве положений о порядке признания физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, несостоятельными при отсутствии каких-либо ограничений личного характера к должнику);

д) период с 1964 по 1998 г. (отсутствие норм о банкротстве индивидуальных предпринимателей, обусловленное спецификой социалистического планового хозяйства и последующего переходного этапа);

е) период с 1998 г. по настоящее время (восстановление и развитие норм о банкротстве индивидуаль-

¹⁵ См.: *Лабазанова М. А.* История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // *Юридическая наука.* 2020. № 8. С. 13.

¹⁶ См.: *Чернова М. В.* О критериях несостоятельности (банкротства) // *Экономический анализ: теория и практика.* 2009. № 25. С. 67—71.

ных предпринимателей, предполагающих осуществление взыскания за счет имущества должника с установлением некоторых ограничений на последующее занятие определенной деятельностью).

Немецкое законодательство о банкротстве также с течением времени подвергалось определенной модернизации под влиянием изменения социально-экономических отношений и с учетом складывающегося опыта его применения. В частности, в качестве причин для реформы назывались возникающая недостаточность имущества для распределения между «необеспеченными» кредиторами в связи с его обременением правами на особое удовлетворение в пользу отдельных кредиторов, постоянный рост числа требований, предназначенных к удовлетворению в преимущественном порядке, на что не были сориентированы предписания Конкурсного устава, принятого в XIX в., а также необходимость защиты интересов непосредственно конкурсных кредиторов¹⁷.

Важной вехой немецкой истории стало объединение Германии в 1990 г., обусловившее необходимость унификации законодательства и его дальнейшего совершенствования. Принятию нового конкурсного закона Германии предшествовала серьезная и длительная работа, завершившаяся в октябре 1994 г. утверждением бундестагом Положения о несостоятельности (*Insolvenzordnung*, далее — Положение о несостоятельности, *InsO*)¹⁸, вступившего в силу лишь 1 января 1999 г.

С. С. Трушников в качестве общих новелл Положения о несостоятельности выделяет следующие моменты: выбор ликвидационной или реабилитационной процедуры производится после возбуждения производства по делу о банкротстве; усилено реабилитационное начало в институте несостоятельности; участникам предоставлена возможность самостоятельно определить порядок и форму погашения долгов посредством конкурсного плана; введены меры, направленные на предупреждение недостаточности имущества должника для покрытия процессуальных расходов¹⁹. Кроме того, теоретики немецкого конкурсного права пришли к выводу о необходимости разграничения процедур потребительского банкротства и банкротства предпринимательских структур, поскольку прежнее конкурсное производство было непригодным структурно для потребительской несостоятельности в связи с тем, что имущества, входящего в конкурсную массу физического лица, нередко было меньше, чем доходов от трудовой или служеб-

ной деятельности, которые выпадали из конкурсной массы²⁰. Это нашло отражение в закреплении отдельной процедуры несостоятельности потребителя.

Основной целью производства по делам о несостоятельности в § 1 *InsO* названо совместное удовлетворение требований кредиторов «путем реализации имущества должника и распределения выручки или согласования на основе конкурсного плана особого порядка, имеющего своей целью, в частности, сохранение предприятия». Добросовестному должнику предоставляется также возможность освободиться от обязательств, оставшихся непогашенными. В связи с этим отмечается, что Положение о несостоятельности не предусматривает автоматического банкротства должника, а стремится к экономически разумной реализации ответственности и урегулированию неплатежеспособности как возможной альтернативе прекращению деятельности²¹.

Исходя из анализа процедур, применяемых в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя в соответствии с Законом о банкротстве, можно сделать вывод, что согласно российскому законодательству целью производства по делам о несостоятельности индивидуального предпринимателя также является восстановление платежеспособности должника и погашение задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации либо реализация имущества должника в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Основания несостоятельности должника в немецком законодательстве перечислены в § 17—19 *InsO*. Из них к индивидуальным предпринимателям применяются такие основания, как неплатежеспособность (*Zahlungsunfähigkeit*) (т. е. отсутствие возможности выполнить подлежащие исполнению денежные обязательства) и угроза неплатежеспособности. Еще одно установленное *InsO* основание — чрезмерная или сверхзадолженность (*Überschuldung*) (т. е. превышение размера обязательств над имуществом должника) — касается возможности признания банкротом лишь юридических лиц. В российском Законе о банкротстве в качестве единого общего основания банкротства как юридических, так и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, выступает неплатежеспособность должника. При этом для возбуждения производства по делу о банкротстве индивидуального предпринимателя необходимо, чтобы требования к нему составляли не менее 500 тыс. руб. и указанные требования не были исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены.

Характеризуя особенности самой процедуры банкротства индивидуальных предпринимателей по не-

¹⁷ См.: *Пане Г.* Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству. Пер. с нем. М., 2002. С. 12.

¹⁸ *Insolvenzordnung (InsO)*. URL: <https://www.buzer.de/InsO.htm> (дата обращения: 27.02.2023).

¹⁹ См.: *Трушников С. С.* Указ. соч. С. 25—26.

²⁰ См.: *Шушмарева Т. П.* Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015.

²¹ См.: *Riedlinger M.* Mitwirkung des Betriebsrats im Insolvenzplanverfahren. Hamburg, 2020. Heft 38. S. 5.

мецкому законодательству и проводя ее сравнительный анализ с положениями российского Закона о банкротстве, отметим следующее. Прежде всего, в Германии предусмотрены два вида банкротства: обычное (*Insolvenzverfahren*), которое касается индивидуальных предпринимателей и организаций, и личное или потребительское (*Verbraucherinsolvenzverfahren*), которое допускается только в отношении граждан. Тем не менее § 304 InsO предоставляет индивидуальному предпринимателю, находящемуся в тяжелом финансовом положении и прекратившему предпринимательскую деятельность, возможность перейти к процедуре потребительского банкротства при условии, что количество его кредиторов не превышает 20 и отсутствуют требования, вытекающие из трудовых отношений.

В России нормы о банкротстве индивидуальных предпринимателей сосредоточены в гл. X «Банкротство гражданина» Закона о банкротстве 2002 г., что предполагает применение к процедуре их несостоятельности общих положений о банкротстве граждан с некоторыми особенностями, установленными нормами § 2 названной главы. Пунктом 1 ст. 213⁴ Закона о банкротстве на гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в определенных случаях возложена обязанность подать заявление о признании его банкротом. Однако данный пункт кажется лишеным всякого практического смысла, поскольку его невыполнение не влечет для гражданина никаких негативных правовых последствий²². Представляется, что в качестве последствия неподачи индивидуальным предпринимателем заявления должника при наличии соответствующей обязанности могло бы выступать сохранение его обязательств перед кредиторами, неудовлетворенных в ходе последующего производства по делу о банкротстве. Подобная мера стимулировала бы предпринимателей к инициированию процедур несостоятельности на более ранней стадии, что, в свою очередь, способствовало бы более полному удовлетворению интересов кредиторов.

Согласно § 13 InsO процедура банкротства индивидуального предпринимателя открывается при подаче соответствующего заявления. При этом суд до вынесения решения по вопросу об обоснованности заявления обязан принять временные меры, которые представляются необходимыми для предотвращения любых неблагоприятных для кредиторов изменений в имущественном положении должника: назначить временного управляющего, учредить временный комитет кредиторов, наложить на должника общий запрет на распоряжение имуществом или установить возможность распоряжения имуществом должника только с согласия временного управляющего и ряд

других. Отметим, что институт несостоятельности индивидуальных предпринимателей в России не содержит таких положений. Соответствующие вопросы в рамках российского законодательства могут быть разрешены лишь после признания судом заявления о банкротстве индивидуального предпринимателя обоснованным. Данное отличие позволяет утверждать, что немецкое законодательство более регламентировано в части предупредительных мер и на этапе современного правового регулирования способно обеспечить защиту интересов кредиторов, в том числе до рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом.

Также заслуживает внимания установленная немецким законодательством (§ 305 InsO) возможность досудебного урегулирования задолженности физического лица. Подобная мера призвана сократить расходы на судебные процедуры и позволяет участникам конкурсных отношений самостоятельно урегулировать вопросы в части погашения образовавшейся задолженности. В случае если стороны не достигают ожидаемых результатов, должник подает заявление об открытии дела о банкротстве, а также иные документы, из которых следует, что внесудебный план урегулирования задолженности не был реализован успешно в течение последних шести месяцев, предшествующих подаче заявления, а также указываются причины его невыполнения, прикладывается сам план. Такая мера представляется весьма актуальной и могла бы являться основой внесудебного урегулирования задолженности индивидуальных предпринимателей в рамках российского законодательства при соответствующей инкорпорации данной нормы в национальное законодательство. Современная модель гражданско-правовых отношений все больше демонстрирует стремление к самостоятельному разрешению спорных вопросов, в частности посредством альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации). Несмотря на то что российское законодательство о банкротстве индивидуальных предпринимателей не содержит положений, предусматривающих внесудебное урегулирование задолженности, общая тенденция к альтернативному разрешению споров, а также зарубежный опыт могут в перспективе послужить основой для внедрения нового правового средства урегулирования таких вопросов — внесудебной процедуры в соответствии с планом погашения задолженности.

Однако такое новшество, на наш взгляд, требовало бы разрешения нескольких принципиальных проблем. Во-первых, возникла бы необходимость в подтверждениях выполнения или невыполнения сторонами условий соответствующей процедуры. Решением могло бы стать определение уполномоченного субъекта, который по аналогии с лицами, установленными немецким законодательством, был бы вправе выдавать документы, подтверждающие выполнение

²² См.: *Витрянский В. В.* Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // *Хозяйство и право.* 2015. № 4. С. 10.

или невыполнение плана погашения задолженности при применении внесудебной процедуры расчетов с кредиторами. В частности, к таким субъектам могут быть отнесены должностные лица службы потребителей, социальные служащие, адвокаты, нотариусы, налоговые советники и т. д.²³ Во-вторых, такая мера требовала бы от участников внесудебной процедуры соответствующего уровня этики и делового, осознанного поведения, исключающего конфликтные отношения и применение методов незаконного воздействия по отношению друг к другу. Такая проблема может быть решена путем введения в процедуру независимого уполномоченного лица, призванного оказывать содействие в достижении целей процедуры. В-третьих, внесудебная процедура урегулирования задолженности предполагает довольно высокий уровень правовой и финансовой грамотности ее участников. Статистика введения и реализации таких процедур банкротства, как реструктуризация долгов или мировое соглашение, показывает, что их возможная неэффективность прежде всего связана с тем, что участники конкурсных отношений не представляют в установленном порядке необходимых документов (план реструктуризации долгов, мировое соглашение и др.), в том числе по причине отсутствия необходимых знаний и навыков для составления процессуально сложных документов²⁴. Таким образом, в рамках внесудебной процедуры урегулирования задолженности вопрос об организации, о планировании и реализации всех мероприятий в целях достижения результатов процедуры может стать довольно сложной проблемой. В то же время наличие типовых форм документов и существование консультативного органа по вопросам банкротства индивидуальных предпринимателей могло бы способствовать эффективности ее проведения. Например, в Германии в функции торгово-промышленных палат входит подготовка предписанного законом заключения о возможности предотвращения банкротства при рассмотрении дела в суде²⁵. Кроме того, торгово-промышленными палатами предоставляются услуги информационного и справочного характера²⁶.

Примечательно, что российский законодатель в настоящее время прорабатывает вопрос о введении

процедуры досудебной санации, целью которой будет служить восстановление платежеспособности должника посредством изменения порядка и сроков исполнения обязательств должника. Как следует из разработанного Минэкономразвития России проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Федеральный закон “Об исполнительном производстве”» (далее — проект закона)²⁷, предполагается дополнить ст. 31 Закона о банкротстве 2002 г. новыми пунктами 3—14. Целью данных дополнений является введение в законодательство о несостоятельности нового механизма, направленного на восстановление платежеспособности должников, урегулирование задолженности без возбуждения процедуры банкротства в отношении должника. В качестве такого механизма проектом закона определена досудебная санация, применение которой возможно путем заключения соглашения между кредиторами или иными лицами и должником. Соглашение о досудебной санации может быть на основании заявления должника утверждено арбитражным судом по месту нахождения должника — юридического лица или по месту жительства гражданина. Возможность распространения на граждан норм о досудебной санации позволяет сделать вывод, что в перспективе механизм внесудебной восстановительной процедуры будет применен и в случаях несостоятельности индивидуальных предпринимателей.

Анализ указанного проекта закона позволяет выявить в том числе проблемы, приведенные выше: а) отсутствует независимое лицо (медиатор) либо иной координирующий (уполномоченный) субъект, которые могли бы оказывать содействие участникам досудебной санации в достижении целей урегулирования задолженности; б) проектом закона не урегулированы сроки, в течение которых должны выполняться те или иные действия, например сроки ведения переговоров в целях заключения соглашения, сроки исполнения соглашения, сроки передачи вопроса на рассмотрение арбитражного суда в случае неисполнения соглашения и т. д. Кроме того, на наш взгляд, следовало бы разграничить внесудебные процедуры, применяемые к юридическим и физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям.

Представляется, что идея, заложенная в проекте закона, в целом актуальна и, несомненно, стремление к новому уровню регулирования конкурсных отношений путем создания внесудебного (альтернативного) механизма является свидетельством дальнейшего развития законодательства. Однако нормы, регули-

²³ См.: *Шимарева Т. П.* Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 251.

²⁴ См.: *Лабазанова М. А.* Проблемы правового регулирования и реализации процедуры реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя // *International Law Journal*. 2022. Т. 5. № 7. С. 96—97.

²⁵ Торгово-промышленные палаты — Германия. URL: <http://germany-geo.com/pomoshh-sotrudnichestvo/torgovo-promyishlennye-palatyi.html> (дата обращения: 27.02.2023).

²⁶ IHK Regensburg für Oberpfalz / Kelheim. URL: <https://www.ihk.de/regensburg/goto/652488> (дата обращения: 27.02.2023).

²⁷ Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Федеральный закон “Об исполнительном производстве”». ID проекта 02/04/06-22/00128060. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#> (дата обращения: 27.02.2023).

рующие довольно важный в социальном и экономическом смысле пласт отношений, должны быть максимально эффективны и практически применимы. Поэтому проект закона, вероятнее всего, будет доработан в направлении более детального регулирования соответствующей процедуры.

Также в рамках нашего исследования невозможно обойти вопрос об освобождении индивидуально предпринимателя от исполнения требований после завершения производства по делу о несостоятельности.

Российское законодательство о банкротстве в качестве общего правила содержит норму п. 3 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве 2002 г., согласно которой после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов. Данное положение распространяется и на индивидуальных предпринимателей, освобождая их от оставшейся задолженности по окончании процедуры банкротства. Вместе с тем некоторые исключения из этого правила содержатся в том же п. 3, а также в п. 4 и 5 ст. 213²⁸. Они касаются, в частности, требований, о наличии которых кредиторы не знали и не должны были знать к моменту завершения производства по делу о банкротстве, требований по текущим платежам, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о выплате заработной платы и выходного пособия, ряда других требований, а также ситуаций, когда должник действует незаконно либо недобросовестно в преддверии или в ходе процедуры банкротства. По таким требованиям расчеты должны быть произведены и после завершения производства по делу о несостоятельности. Комментируя указанные исключения, некоторые авторы отмечают, что они обусловлены недобросовестным поведением должника, личным характером обязательств и моментом их возникновения²⁸.

Немецкое законодательство о банкротстве в указанной части имеет принципиальное отличие. В соответствии с § 201 InsO после прекращения производства по делу о несостоятельности конкурсные кредиторы могут предъявлять к должнику свои оставшиеся требования без ограничений. Следовательно, окончание производства по делу о банкротстве по общему правилу не освобождает индивидуального предпринимателя от необходимости удовлетворения требований кредиторов, которые не были исполнены. Вместе с тем данное общее правило также имеет исключения. Согласно § 286—303a InsO если должник является физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем, он может быть

освобожден от неисполненных в ходе производства по делу о несостоятельности обязательств перед кредиторами при выполнении определенных условий. Во-первых, освобождение от долгов носит заявительный характер, т. е. необходима подача соответствующего заявления при возбуждении дела о банкротстве. Во-вторых, должник, желающий получить освобождение от долгов, обязан после открытия производства по делу о несостоятельности передать свои требования о выплате причитающейся ему заработной платы или иных платежей постоянного характера доверительному управляющему на трехлетний срок, а в случае повторного банкротства срок уступки соответствующих требований увеличивается до пяти лет. Часть платежей, которая будет получена управляющим в течение этого периода «благополучного поведения», может направляться на погашение требований кредиторов, которые не были удовлетворены. В этот период на должника налагаются определенные обязанности, неисполнение которых может повлечь отказ в освобождении от оставшейся задолженности. Так, должник в период между прекращением процедуры банкротства и окончанием «периода уступки» обязан заниматься оплачиваемой деятельностью. Если же он не работает — стремиться к такой деятельности и не отказываться от нее, а также передавать доверительному управляющему имущество, приобретенное в качестве выигрыша в лотерею или иную игру, незамедлительно сообщать суду о смене места жительства и работы, не скрывать активы и доходы, выполнять иные обязанности. Согласно § 303 InsO освобождение от остаточной задолженности отменяется, если впоследствии выясняется, что должник умышленно нарушил одно из своих обязательств и таким образом существенно повлиял на удовлетворение требований кредиторов в связи с банкротством.

Наличие механизма погашения неудовлетворенных требований кредиторов рассматривается как важная составляющая современного немецкого конкурсного права²⁹. Например, согласно информации, размещенной на сайте торгово-промышленной палаты Регенсбурга, освобождение от возмещения оставшейся части долга открыто для всех физических лиц³⁰. Однако при банкротстве юридических лиц такое освобождение законодательством не предусмотрено. Вероятно, это связано с тем, что завершение конкурсных процедур может повлечь ликвидацию юридического лица и говорить об освобождении от

²⁹ См.: *Bork R.* Einführung in das Insolvenzrecht. 9, überarbeitete Auflage. Tübingen, 2019. S. 33.

³⁰ Restschuldbefreiung verkürzt auf drei Jahre. URL: <https://www.ihk.de/regensburg/hauptnavigation/fachthemen/recht/kauf-und-vertragsrecht/mahnung-verzug-und-insolvenz/insolvenzverfahren-ablauf-fuer-schuldner-und-glaebiger-5067176> (дата обращения: 27.02.2023).

²⁸ См., например: *Шишмарева Т. П.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3. С. 222.

неисполненных обязательств в этом случае не имеет смысла.

До 1 октября 2020 г. должник мог избавиться от своих долгов лишь по истечении шестилетнего периода «благополучного поведения», но благодаря Закону о сокращении процедуры освобождения от остатка задолженности, который был принят в целях облегчения последствий, связанных с пандемией COVID-19, данный срок был сокращен до трех лет³¹.

С определенной объективностью можно утверждать, что современное российское законодательство более лояльно к должникам и не возлагает на индивидуальных предпринимателей обязанности по погашению оставшейся части долга, а также необходимости выполнения определенных требований, включая передачу права на получение текущих платежей, для освобождения от удовлетворения непогашенной задолженности. На наш взгляд, подобная ситуация в известной мере нарушает права кредиторов и не позволяет соблюсти баланс интересов всех участников конкурсных отношений. Возможно, до настоящего времени предоставление кредиторам права на удовлетворение оставшихся требований и по завершении процедуры несостоятельности, а должнику возможности избежать дальнейшего взыскания лишь при соблюдении определенных условий не предусмо-

тлено российским законодательством по причине постепенной адаптации участников конкурсных отношений к институту банкротства физических лиц, так как соответствующие правовые средства социальной реабилитации физического лица являются новшеством для современного российского гражданского общества. Однако уже сейчас в общественном сознании проявляется негативная тенденция рассмотрения процедуры банкротства как возможности избежать ответственности по долгам, получить освобождение от них. Но если в отношении обычных граждан использование подобных положений немецкого законодательства еще может вызывать дискуссию, то, полагаем, в отношении индивидуальных предпринимателей в качестве общего правила должно выступать право кредиторов предъявлять свои требования и после окончания производства по делу о несостоятельности, а введение процедуры освобождения от оставшейся задолженности должно быть обусловлено соблюдением жестких требований, позволяющих обеспечить интересы как должника-предпринимателя, так и кредиторов.

Представляется, что российское законодательство о банкротстве индивидуальных предпринимателей в настоящее время находится на этапе формирования эффективных механизмов реабилитации должников и защиты интересов кредиторов, что предполагает как учет исторического опыта нормативного регулирования соответствующих отношений, так и анализ зарубежных правовых моделей, касающихся процедуры несостоятельности индивидуальных предпринимателей.

³¹ Gesetz zur Weiteren Verkürzung des Restschuldbefreiungsverfahrens und zur Anpassung pandemiebedingter Vorschriften Im Gesellschafts-, Genossenschafts-, Vereins- und Stiftungsrecht sowie im Miet- und Pachtrecht. URL: <https://www.buzer.de/gesetz/14372/index.htm> (дата обращения: 27.02.2023).

Список литературы

1. Bork R. Einführung in das Insolvenzrecht. 9, überarbeitete Auflage. Tübingen, 2019.
2. Riedlinger M. Mitwirkung des Betriebsrats im Insolvenzplanverfahren. Hamburg, 2020.
3. Витрянский В. В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // Хозяйство и право. 2015. № 4.
4. Кутер М. И., Луговойской Д. В., Тхагапсо Р. А. Институт несостоятельности в России: исторический аспект // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 3.
5. Лабазанова М. А. История зарождения и развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Юридическая наука. 2020. № 8.
6. Лабазанова М. А. Проблемы правового регулирования и реализации процедуры реструктуризации долгов индивидуального предпринимателя // International Law Journal. 2022. Т. 5. № 7.
7. Михайликов В. Л. Правовое регулирование торговой несостоятельности в период с начала XVIII до середины XX веков // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2011. № 2.
8. Папе Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству. Пер. с нем. М., 2002.
9. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984—1994. Т. 1.
10. Свириденко О. М. Развитие института несостоятельности в странах Западной Европы (в период до начала XX века) // Право и государство: теория и практика. 2005. № 8.
11. Скоробогатов А. В. Правовое регулирование банкротства в России во второй половине XVIII в. // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2.
12. Телюкина М. В. Конкурсное право. Теория и практика несостоятельности (банкротства). М., 2002.
13. Трушников С. С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в Федеративной Республике Германия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
14. Челахсаева С. И. История становления и развития института несостоятельности (банкротства) в странах Европы // Современная научная мысль. 2017. № 6.

15. Чернова М. В. О критериях несостоятельности (банкротства) // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 25.
16. Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. 2-е изд. Казань, 1898.
17. Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. М., 2015.
18. Шишмарева Т. П. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) индивидуальных предпринимателей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3.
19. Шишмарева Т. П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

References

1. Bork R. *Einführung in das Insolvenzrecht. 9, überarbeitete Auflage*. Tübingen, 2019. 309 p.
2. Riedlinger M. *Mitwirkung des Betriebsrats im Insolvenzplanverfahren*. Hamburg, 2020. 53 p.
3. Vitryanskiy V. V. Bankruptcy of citizens who are not individual entrepreneurs. *Khozyaystvo i pravo*, 2015, no. 4, pp. 3—29. (In Russ.)
4. Kuter M. I., Lugovskoy D. V., Tkhapso R. A. Institute of Insolvency in Russia: historical aspect. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika*, 2008, no. 3, pp. 2—10. (In Russ.)
5. Labazanova M. A. The history of the origin and development of insolvency (bankruptcy) legislation in Russia. *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 8, pp. 11—15. (In Russ.)
6. Labazanova M. A. Problems of legal regulation and implementation of the procedure of debt restructuring of an individual entrepreneur. *International Law Journal*, 2022, vol. 5, no. 7, pp. 92—101. (In Russ.)
7. Mikhaylikov V. L. Legal adjustment of trading inconsistency during the period from the beginning of XVIII up to the middle of XX centuries. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina*, 2011, no. 2, pp. 7—10. (In Russ.)
8. Pape G. *Institute of insolvency: general problems and peculiarities of legal regulation in Germany. Commentary on the current legislation*. Transl. from German. Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
9. Chistyakov O. I. (ed.) *Russian legislation of the X—XX centuries*. Moscow, 1984—1994, vol. 1. 432 p. (In Russ.)
10. Sviridenko O. M. Development of the institute of insolvency in the countries of the West Europe (in the period until beginning XX century). *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2005, no. 8, pp. 35—48. (In Russ.)
11. Skorobogatov A. V. Legal regulation of bankruptcy in Russia in the second half of the 18th century. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, no. 2, pp. 168—175. (In Russ.)
12. Telyukina M. V. *Competitive legislation. Theory and practice of insolvency (bankruptcy)*. Moscow, 2002. 536 p. (In Russ.)
13. Trushnikov S. S. *Initiation of insolvency proceedings in the Federal Republic of Germany*. Cand. diss. Ekaterinburg, 2003. 181 p. (In Russ.)
14. Chelakhsaeva S. I. The history of formation and development of institute of insolvency (bankruptcy) in the countries of Europe. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2017, no. 6, pp. 339—347. (In Russ.)
15. Chernova M. V. Criteria of insolvency (bankruptcy). *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika*, 2009, no. 25, pp. 67—71. (In Russ.)
16. Shershenevich G. F. *Competitive legislation*. 2nd ed. Kazan', 1898. 499 p. (In Russ.)
17. Shishmareva T. P. *Institute of Insolvency in Russia and Germany*. Moscow, 2015. 332 p. (In Russ.)
18. Shishmareva T. P. Legal regulation of private entrepreneurs bankruptcy. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 3, pp. 218—224. (In Russ.)
19. Shishmareva T. P. *Legal means of ensuring the effectiveness of insolvency procedures in Russia and Germany*. Dr. diss. Moscow, 2021. 546 p. (In Russ.)

Информация об авторах

В. Г. Истомин, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат юридических наук, доцент

М. А. Лабазанова, аспирант Уральского института управления — филиала РАНХиГС

Information about the authors

V. G. Istomin, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Senior Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

M. A. Labazanova, Postgraduate Student, Ural Institute of Management, Branch of RANEPA

Поступила в редакцию 31.03.2023
Принята к публикации 05.07.2023

Received 31.03.2023
Accepted 05.07.2023

